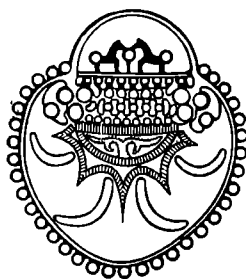

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

ПЯТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

№ 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА - 1961

К ВОПРОСУ О ХУМАХ С ЗАХОРОНЕНИЯМИ КОСТЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Вопрос о погребальном обряде среднеазиатских огнепоклонников неоднократно вызывал полемику и интерес со стороны как дореволюционных, так и советских востоковедов и археологов. К настоящему времени открыто несколько разновидностей специальных погребальных урн (овальные и прямоугольные глиняные ящики, алебастровые ящики, статуарные, бочонкообразные с антропоморфными крышками и т. д.), а также захоронения в сосудах бытового назначения — кувшинах и хумах¹. В связи с новой находкой хумного захоронения в Ферганской долине, на анализе которого мы остановимся ниже, в настоящей статье речь пойдет исключительно об оссуариях в виде хума и о тех предположениях, которые возникают при рассмотрении всего известного материала по хумным захоронениям на территории Средней Азии (рис. 1).

Первые находки захоронений костей в хумах были сделаны в 1894 г. при земляных работах в г. Аулиеата (ныне Джамбул) на территории Казахстана². В 1904 г. здесь же, в городе, было вырыто еще несколько сосудов, содержащих кости человека³.

Последующие находки хумов относятся к 1931 и 1939 гг. Наиболее интересными оказались хумные захоронения на горе Тик-Турмас (1939 г.). Сосуды с останками людей располагались на площадке без каких-либо курганных насыпей и составляли целое зороастрийское кладбище⁴. Е. В. Жиров и В. В. Гинзбург, занимавшиеся изучением черепов из захоронений на Тик-Турмасае, определили их как европеоидные⁵ и доказали,

¹ К. А. Иностранцев. О древнеиранских погребальных обычаях и постройках. ЖМНП, новая сер., ч. XX, СПб., март, 1909; е го же. К изучению оссуариев. ЗВОРАО, т. XVIII, вып. I, СПб., 1907; В. В. Бартольд. К вопросу об оссуариях Туркестанского края. Изв. Русского комитета по изучению Средней Азии в историческом, археологическом, этнографическом отношении, № 8, март, СПб., 1908; е го же. Несколько слов об арийской культуре в Средней Азии. Журн. «Среднеазиатский вестник», Ташкент, июнь, 1896; А. А. Потапов. Рельефы древней Согдианы как исторический памятник. ВДИ, 1938, № 2; Г. А. Пугаченкова. Элементы согдийской архитектуры на среднеазиатских терракотах. Материалы по археологии Узбекистана, т. II, Ташкент, 1950; Б. Я. Ставиский, О. Г. Большаков, Е. А. Мончадская. Пянджикентский некрополь. МИА, № 37, 1953; С. А. Ершов. Некоторые итоги археологического изучения некрополя с оссуарными захоронениями в районе города Байрам-Али (1954—1956). Тр. ИИАЭ АН ТуркмССР, т. V, Ашхабад, 1959, стр. 160—204; Ю. А. Рапорт. К вопросу о Хорезмских статуарных оссуариях. КСИЭ, т. XXX, 1958, стр. 54—65; Е. Е. Неразик, Ю. А. Рапорт. Куюн-кала в 1956 г. Сб. «Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1954—56 г.», М., 1959, стр. 138—144.

² Сообщение В. А. Каллаура. ПТКЛА, 28 октября 1896 г., Ташкент, 1896, стр. 45—46.

³ ПТКЛА за 1907 г.

⁴ Г. И. Пацевич. Зороастрийское кладбище на Тик-Турмасае. Изв. АН КазССР, сер. археологическая, вып. I, № 46 А-а, 1948, стр. 98—104.

⁵ Е. В. Жиров. Черепа из зороастрийских погребений в Средней Азии. Сб. МАЭ, т. X, 1949, стр. 271; В. В. Гинзбург. Материалы к краниологии Согда. МИА, № 37, 1953, стр. 166.

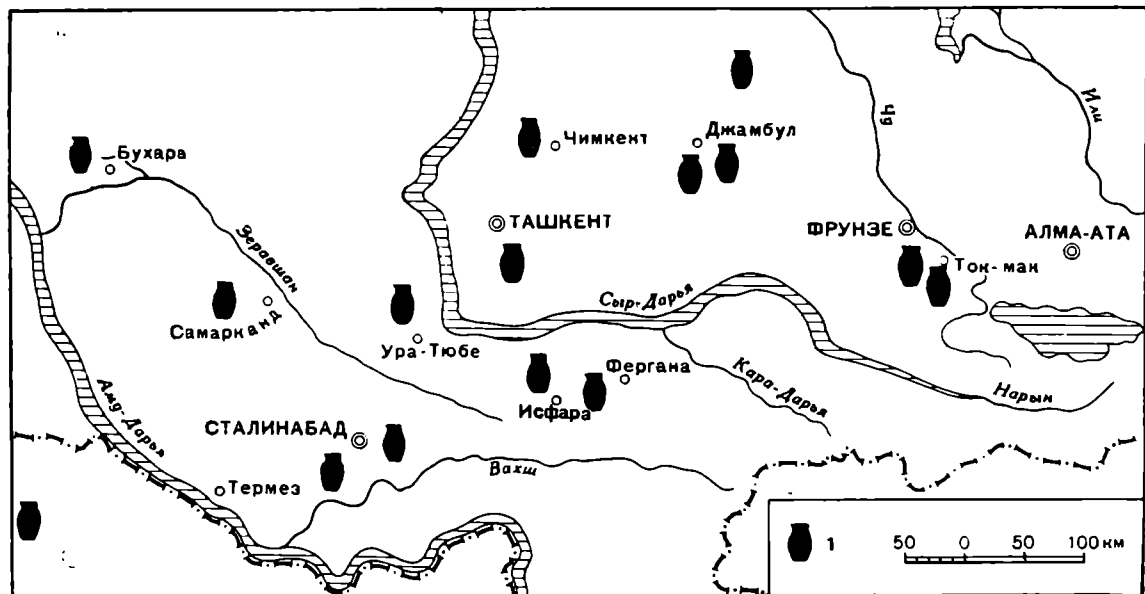

Рис. 1. Схематическая карта распространения хумных захоронений на территории Средней Азии

1 — пункт с захоронениями в хумах

что они относятся к становящемуся типу современной расы среднеазиатского междуречья⁶. Вся серия хумных захоронений на Тик-Турмасе датируется исследователями IX—X вв. н. э.⁷

В 1940 г. на территории Казахстана была сделана вторая находка захоронений в хумах. Во время работ на водохранилище Сасык-Булак, в кургане были обнаружены хумы с костями, которые и были доставлены в Чимкентский музей. Все черепа из Сасык-Булака европеоидные и, по определению А. Н. Бернштама, принадлежали огузам VIII—X вв. н. э.⁸

В 1950 г. при земляных работах на территории г. Джамбула около Мучного базара был раскопан великолепный некрополь древнего города Тараза. Здесь наряду с овальными оссуариями были найдены и захоронения в хумах. Последние были украшены клеймами с изображением льва и собаки. Л. И. Ремпель датирует эти хумные захоронения IX—X вв.⁹

Еще в конце прошлого века имелись смутные сведения о находках на территории Ташкентского оазиса у сел. Теляу больших сосудов, содержащих человеческие кости. Корчаги были найдены на территории древнего городища, на берегу Ангрена. К сожалению, дореволюционные исследователи не оставили нам более конкретных сведений об этих интересных находках¹⁰. М. Е. Массон, обследовавший в 1934 г. район Теляу, также приводит рассказы местных жителей о находках хумов с черепами¹¹.

В Самаркандской области до революции находили довольно много оссуариев в виде овальных и прямоугольных глиняных гробиков, но сосудов с костями не было. Позднейшими работами советских археологов доказано, что в районе Самарканда все же имелись оссуарии-хумы. В 1936 г. около кишлака Фринкент начались раскопки обширного кладби-

⁶ В. В. Гинзбург. Ук. соч., стр. 167.

⁷ Е. В. Жиров. Ук. соч., стр. 266.

⁸ В. В. Гинзбург. Материалы к антропологии древнего населения Южного Казахстана. СА, XXI, 1954, стр. 380; его же. Материалы к краниологии Согда. МИА, № 37, 1953, стр. 166.

⁹ Л. И. Ремпель. Некрополь древнего Тараза. КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 107, 110.

¹⁰ М. А. Андреев. Местности Туркестана, интересные в археологическом отношении. Журн. «Среднеазиатский вестник», Ташкент, май, 1896, стр. 21.

¹¹ М. Е. Массон. Ахангеран. Ташкент, 1953, стр. 100.

ща хумных захоронений¹². По сообщению Г. В. Григорьева, сосуды располагались на возвышенной глинобитной площадке, все пространство которой было когда-то огорожено стеной. За два года работ здесь раскопано 200 сосудов с костями. Весь комплекс, представленный сосудами самой разнообразной формы, свидетельствует о длительном существовании кладбища. Принято говорить о Фринкентском могильнике как о позднесредневековом памятнике и относить его к XIII в., но здесь среди многочисленного материала выделяются более ранние сосуды, с потеками красной краски, и более поздние, украшенные штампованным орнаментом.

Г. В. Григорьев не устанавливает в своей статье начальную дату, отмечая лишь конечную дату костехранилища — начало XIII в.¹³. Антропологические данные Фринкентского могильника указывают на преобладание среди захороненных европеоидов, относящихся к так называемой припамирской расе Среднеазиатского Междуречья. Но среди европеоидных черепов имелись и монголоидные, принадлежащие к южносибирской группе¹⁴.

В Бухарской области О. В. Обельченко в 1950—1952 гг. раскопал два интересных могильника (Кую-Мазарский и Лявандакский), содержащих в насыпях древних курганов более поздние, вторичные захоронения в хумах¹⁵. Как правило, хумы располагались в юго-западной части насыпи. Поверхность сосудов из Кую-Мазарского и Лявандакского могильников была раскрашена марганцевой черной краской, небрежные потеки которой еще и сейчас заметны на плечиках и корпусе. Краниологические материалы указывают на принадлежность погребенных к европеоидной расе. Датируя хумные захоронения Бухарского оазиса V—VI вв. н. э.¹⁶, О. В. Обельченко справедливо отметил связь курганных погребений с захоронениями в сосудах. Мы вполне разделяем мнение исследователя об изменении где-то в V—VI вв. религиозных мировоззрений у коренного населения этого района и о переходе какой-то его части к культуре огнепоклонников.

На территории Таджикистана находки оссуариев-хумов довольно многочисленны. В Ленинабадской области во время разведки, проведенной О. И. Смирновой недалеко от города Шахристана, был найден сосуд с костями. Он находился на краю лёссовой террасы, на глубине 1,3 м и был сделан из грубого теста; сверху был прикрыт примитивной крышкой¹⁷. К сожалению, О. И. Смирнова не дает даже предположительной датировки погребения.

В 1951 г. на территории г. Сталинабада было найдено еще одно погребение в хуме, которое было датировано М. М. Дьяконовым и Н. Н. Забелиной I—II вв. н. э.¹⁸. В 1956 г. здесь же был раскопан целый некрополь с захоронениями в хумах¹⁹.

На юге Таджикистана, в Бишкендской долине, в 1956 г. А. М. Мандельштам в одном из погребений могильника Арук-Тау раскопал хумное захо-

¹² Г. В. Григорьев. Зороастрийское костехранилище в кишлаке Фринкент под Самаркандом. ВДИ, 1939, № 2, стр. 144—150.

¹³ Там же, стр. 148.

¹⁴ В. В. Гинзбург. Черепа из зороастрийского кладбища XIII века в Фринкенте. Сб. МАЭ, т. X, стр. 274—275.

¹⁵ О. В. Обельченко. Кую-Мазарский и Лявандакский могильники — памятники древней культуры Бухарского оазиса. Кандидатская диссертация. Ташкент, 1954.

¹⁶ Там же, стр. 302; его же. Курганные погребения первых веков н. э. и кенотафы Кую-Мазарского могильника. Тр. САГУ, т. IV, вып. CXI, Ташкент, 1957, стр. 109—132.

¹⁷ О. И. Смирнова. Археологическая разведка в Усрушане. МИА, № 37, 1953, стр. 203.

¹⁸ В. А. Лившиц. Тохарская надпись на хуме. ДАН ТаджССР, вып. 7, Сталинабад, 1953, стр. 23.

¹⁹ Б. А. Литвинский, Э. Гулямова, Т. И. Зеймель. Работы отряда по сбору материалов для составления археологической карты. Тр. ИИАЭ АН ТаджССР, т. XCI, вып. IV, Сталинабад, 1959, стр. 133—136.

ронение. Хум помещался в насыпи кургана²⁰. Еще один хум был найден в западной части Бишкендской долины, вблизи «северного» городища, также в насыпи кургана²¹. В 1957 г. в Тулхарском могильнике (Бишкендская долина) детское захоронение в хуме было обнаружено в подбойном погребении. Датировка Тулхарского могильника еще не ясна, но предположительно он отнесен автором раскопок ко II—I вв. до н. э.²²

В Хорезме находки захоронений в хумах III—IV вв. н. э. имелись в районе Калалы-Гыр; около Якке-Парсана найдены хумные захоронения VI—VIII вв. н. э.²³

Находки захоронений в хумах имеются и в южных пунктах Средней Азии. В Туркмении, недалеко от города Байрам-Али, вблизи развалин Старого Мерва, был раскопан в 1954—1956 гг. замечательный некрополь с оссуарными погребениями. Кладбище располагалось за пределами городской округи Старого Мерва. Три слоя захоронений содержали самые разнообразные формы погребальных урн: керамические гробики, оссуарии цилиндрической и других форм и захоронения в гробницах. Довольно значительное количество захоронений помещалось в кувшинах, в хумах²⁴.

С. А. Ершов датирует некрополь у Байрам-Али временем V—VII вв. н. э. и высказывает предположение о принадлежности захоронений последователям секты маздакитов²⁵.

В Киргизии первые находки захоронений в сосудах были сделаны А. Н. Бернштамом²⁶ в Чуйской долине. В 1939 г. на городище Красная Речка (древний Сарыг) при раскопках раннесредневекового замка у самых его стен вместе с овальными оссуариями V—VI вв. были обнаружены сосуды с костями людей. Хумы не отличались мастерством формовки, были грубы и асимметричны. Так же как и хумное захоронение из Шахристана, они имели крышки, украшенные примитивным орнаментом. А. Н. Бернштам датировал хумы Сарыга VIII—IX вв.

Несколько позднее изучение городищ Чуйской долины привело к новым находкам хумных захоронений²⁷. В 1953—1954 гг. в городской округе городища Ак-Бешим отрядом, возглавляемым Л. Р. Кызласовым, был раскопан погребальный комплекс, представляющий собой своеобразное сочетание дахмы и науса. Здесь было найдено десять погребений в хумах, накрытых крышками или плоскими гальками. Часть хумов была изготовлена на гончарном круге, но некоторые сосуды были явно ручного изготовления. Захоронения принадлежали европеоидам и датируются Л. Р. Кызласовым VII—VIII вв. н. э. Небезынтересно отметить, что на Ак-Бешиме, так же как и на городище Красная Речка, были найдены овальные оссуарии, но, в отличие от Сарыга, они почти синхронны с погребениями в сосудах²⁸. Первые находки захоронений в хуме в Фергане были сделаны в 1934 г. Ферганской экспедицией, руководимой Б. А. Латыниным.

²⁰ А. М. Мандельштам. Археологические работы в 1956 г. в Бишкендской долине. Тр. ИИАЭ АН ТаджССР, т. ХСІ, вып. IV, стр. 69.

²¹ Там же, стр. 72.

²² А. М. Мандельштам. Археологические работы в Бишкендской долине в 1957 г. Тр. ИИАЭ АН ТаджССР, т. СІІІ, вып. V, Сталинабад, 1959, стр. 139, 150, 151.

²³ По любезному сообщению Е. Е. Неразик и Ю. А. Рапопорта, за которое приношу искреннюю благодарность.

²⁴ С. А. Ершов. Некоторые итоги археологического изучения некрополя с оссуарными захоронениями в районе города Байрам-Али. Тр. ИИАЭ АН ТуркмССР, т. V, Ашхабад, 1959, стр. 171.

²⁵ Там же, стр. 180.

²⁶ А. Н. Бернштам. Чуйская долина. МИА, № 14, 1950, стр. 32—33.

²⁷ Л. Р. Кызласов. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг. Тр. Киргизской АЭ, т. II, М., 1959, стр. 230—231.

²⁸ Л. Р. Кызласов. Отчет об археологических раскопках на городище Ак-Бешим, 1953—1954 гг. Рукописный архив ИА АН СССР, Р-1, д. № 1018, стр. 52—53.

Недалеко от Исфары в местности Хазина-Хона было вскрыто погребение в хуме под насыпью. Второе погребение было раскопано в срезе оврага. Б. А. Латынин датировал эти погребения VII—VIII вв.²⁹

Следующая находка захоронения костей в хуме в Фергане была сделана в 1957 г. совместной экспедицией Андижанского и Ферганского областных краеведческих музеев (Б. З. Гамбург, Н. Г. Горбунова и В. И. Козенкова). Результаты раскопок представляют интерес не только для археологов, но и для тюркологов-лингвистов.

В 10 км от города Ферганы, недалеко от кишлака Янгибад, экспедицией был зафиксирован на возвышающихся увалах небольшой могильник, состоявший из семи курганов. Насыпи курганов состояли из земли и мелкой гальки; захоронения производились в катакомбах.

Один курган отличался от других по конструкции и содержал, помимо основного, еще впускное, вторичное захоронение — в хуме. Погребальная камера в кургане оказавшись не катакомбой; она представляла собой длинную глубокую яму, ориентированную с юга на север, и была перекрыта деревянными плахами (рис. 2). Такая форма погребального сооружения впервые отмечена в этой части Ферганской долины.

Бревенчатые накаты были встречены на Памире в Соколовско-Джергесском могильном комплексе. А. Н. Бернштам считал их принадлежащими восточноэжгийским племенам (II в. до н. э. — II в. н. э.) и отмечал в культуре этих племен сочетание южносибирских приемов в сооружении могил с ферганскими традициями в керамическом комплексе³⁰.

В Фергане сходную с нашей конструкцию могильной ямы имеют курганы №№ 3, 4 и 5 Варухского могильника. Б. А. Литвинский усматривает в таких сооружениях сако-усуньскую традицию и датирует интересующие нас курганы I—IV вв. н. э.³¹ Форма погребальной ямы Янгибадского могильника имеет, видимо, какие-то пережиточные черты, возможно, связанные с восточным, южносибирским влиянием.

В засыпи ямы, состоящей из мягкой земли и крупных камней, был найден фрагмент сосуда, изготовленного на круге и покрытого небрежными мазками темно-красного ангоба, столь характерного для ферганской керамики первых веков нашей эры. Кости погребенного не сохранились.

В северо-западной части насыпи кургана, в небольшой круглой ямке диаметром 0,7 м, был закопан сосуд с костями. Хум лежал на боку, повернутый горловиной на юго-запад. Кости, пересыпанные мягким лёссом, не совсем были скрыты в сосуде и торчали наружу. Хум почти не поврежден,

²⁹ По любезному сообщению Б. А. Латынина, за которое приношу мою благодарность.

³⁰ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952, стр. 50—60.

³¹ Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района. Тр. ИИАЭ АН ТаджССР, Сталинабад, 1955, стр. 27—35, стр. 68.

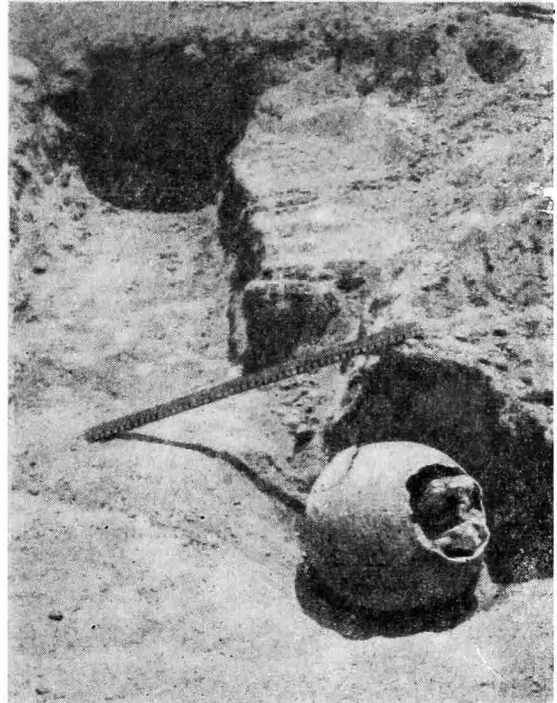

Рис. 2. Погребальная яма первичного захоронения и место погребения хума с костями

Рис. 3. Хум с костями

была отбита лишь часть венчика и имелось отверстие в стенке (рис. 3). Формовка сосуда довольно грубая, возможно, на ручном гончарном круге. Тесто светло-красное, с большой примесью толченой ракушки и дресвы, обжиг средний. Поверхность сосуда заглажена и покрыта светло-серым ангобом; форма уплощенная, приближающаяся к сферической; дно широкое, плоское; венчик тонкий, прямой и отогнут наружу. Высота сосуда — 40 см, диаметр наиболее широкой части корпуса — 37 см, диаметр горла — 23 см, диаметр дна — 28,5 см. Толщина стенок сосуда в разных частях различна. В центральной части стенки тонкие (0,6 см), но у дна и у плечиков черепок более массивный (2 см; рис. 4). На внешней стороне венчика располо-

жена надпись в одну строку. Буквы прочерчены по сырой глине тонким острым инструментом. Всего можно разобрать 12 знаков (рис. 5)³². По предварительному определению С. Г. Кляшторного³³, работающего над расшифровкой надписи, последняя представляет собой вариант тюркского рунического письма и может быть отнесена к первой половине VIII в. н. э., а следовательно, и погребение в хуме, видимо, относится к этому же времени.

В. В. Гинзбург, изучивший костный материал из янгиабадского сосуда, определил его как принадлежавший мужчине зрелого возраста. Череп крупный по размерам, мезокранного типа, с наклонным лбом, со среднеразвитым надпереносьем и значительно выступающими надбровными дугами. Клыковые ямки среднеуглубленные, глазницы высокие, нос узкий средневыступающий. По совокупности черт череп ближе всего стоит к южносибирскому расовому типу, с небольшой примесью урало-алтайского типа.

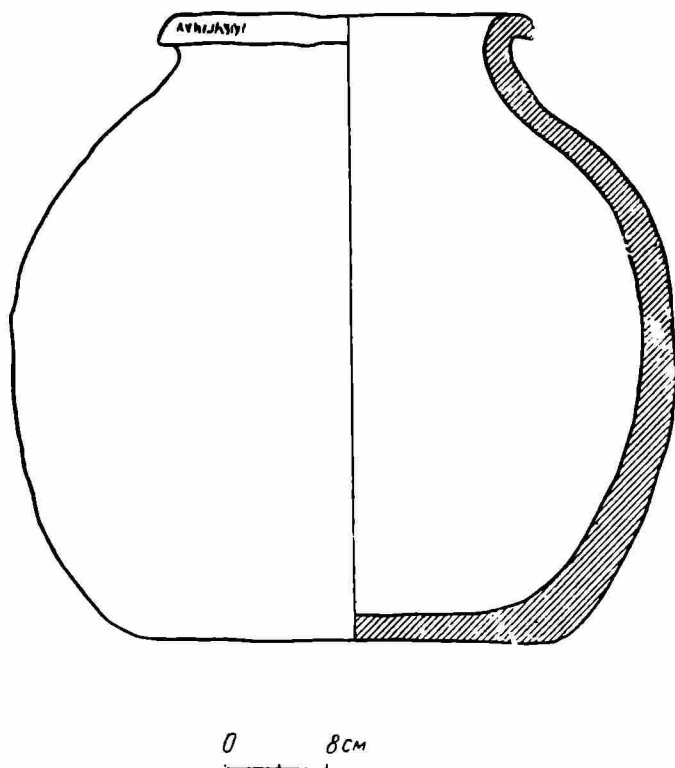

Рис. 4. Рисунок сосуда

³² Все материалы Янгиабадского могильника хранятся в фондах Ферганского музея.

³³ Приношу С. Г. Кляшторному благодарность за сообщение датировки надписи.

Как отметил В. В. Гинзбург, череп мог вполне принадлежать раннему тюрку или кипчаку³⁴.

Факт захоронения костей в хуме в насыпи более раннего кургана не является единичным, а наблюдался также другими исследователями в различных районах Средней Азии (упомянутые выше раскопки О. В. Обельченко и А. М. Мандельштама). Возможно, что родственная группа, хоронившая своих умерших у Янгиабада, была также этнически связана с более поздним тюркским элементом, поскольку влияние тюрков в Средней Азии было задолго до тюркского каганата VI в.³⁵ Об этом свидетельствуют несколько необычное устройство могильной ямы (бревенча-

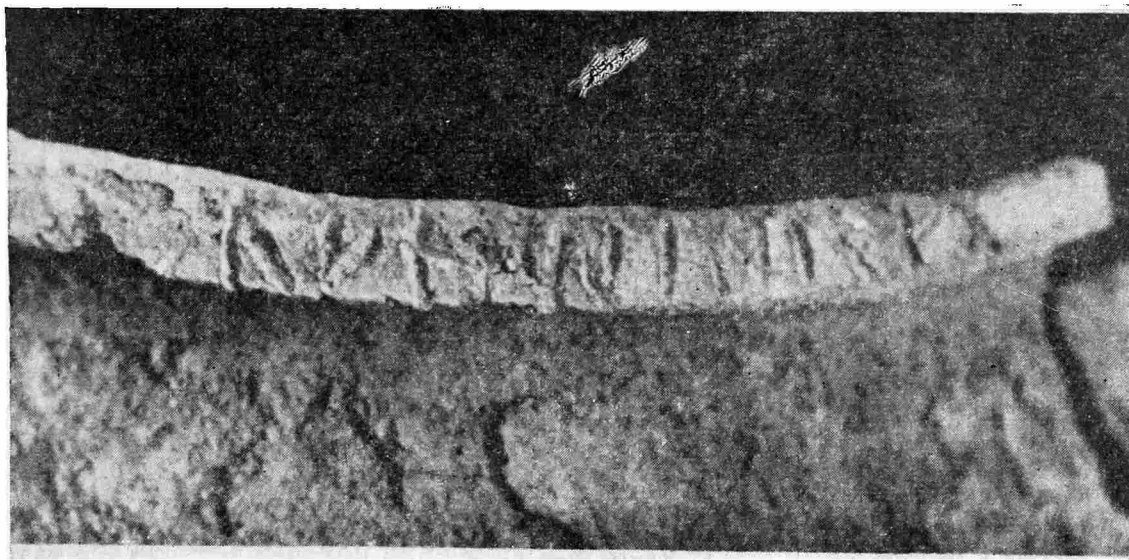

Рис. 5. Руническая надпись на венчике хума

тый накат), антропологические данные хумного погребения (монголоид южносибирской расы) и руническая надпись на венчике. Янгиабадское захоронение в хуме убедительно подтверждает сведения китайских и арабских источников о распространении культа огня у тюрков в VI—VIII вв.³⁶, надпись на венчике является вещественным доказательством бытования тюркского письма в среде местного населения в VIII в.

Захоронение свидетельствует не только об интенсивной тюркизации Ферганы в VIII в., но и о знакомстве населения этой области с культурными традициями Согда. Янгиабадская находка является новым звеном, связывающим Ферганскую долину с другими областями, и указывает, что часть ферганского населения в силу каких-то условий приняла именно исследуемую нами форму погребального обряда.

* * *

Итак, обзор находок захоронений в хумах на территории Средней Азии красноречиво свидетельствует не только об их широком территориальном распространении, но и о значительном их количестве. По самым скромным подсчетам, раскопано около тысячи хумов в 15 различных местах. В данном случае важно даже не столько количество найденных хумов, свиде-

³⁴ Приношу свою благодарность В. В. Гинзбургу, взявшему на себя труд по определению костей из погребения в хуме.

³⁵ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952, стр. 264, 267, 270.

³⁶ К. А. Инostrанцев. О древнеиранских погребальных обычаях..., стр. 104; В. В. Бартольд. Туркестан со времени завоевания арабами до монгольского владычества. Выборки из трудов составлены А. Н. Самойловым. СПб., 1903, стр. 38 и 44.

тельствующих о длительности захоронения на одном месте, сколько количество мест находок. В районах древней Маргианы, Согда, Шаша, Усрушаны, Ферганы, Семиречья имелись погребения в хумах.

Вся серия сосудов, содержащих захоронения костей, довольно разнообразна: имеются лепные и круговые, орнаментированные и без орнамента, специального назначения и просто приспособленные для захоронения. Видимо, форма сосуда особой роли не играла; в каждый период для этой цели приспособляли сосуд, употреблявшийся в данное время.

Таблица *

Места находок	Датировка					Места находок	Датировка				
	рубеж н. э. до IV в. н. э.	V—VI вв.	VII—VIII вв.	IX—X вв.	XIII в.		рубеж н. э. до IV в. н. э.	V—VI вв.	VII—VIII вв.	IX—X вв.	XIII в.
Тик-Турмас	—	—	—	+	—	Хорезм	+	—	+	—	—
Сасык-Булак	—	—	+	+	—	Байрам-Али	—	+	+	—	—
Фринкент	—	—	—	—	+	Сарыг	—	—	+	+	—
Кую-Мазар и Ля- вандак	—	+	—	—	—	Ак-Бешим	—	—	+	—	—
Дюшамбинский (Сталинабад)	+	—	—	—	—	Исфара	—	—	+	—	—
Бишкендская до- лина	+	—	—	—	—	Янгиабад	—	—	+	—	—
						Тараз	—	—	—	+	—

* В долине Ангрена, в местности Чукур-Сай, раскопано погребальное поле с захоронениями в хумах и оссуариях. Захоронения относятся к VI—VII вв. (см. Ю. Ф. Б у р я к о в. Археолого-этнографическая работа Музея истории народов Узбекистана в 1959 году. СА, 1961, № 1, стр. 320).

Исследование материала хумных захоронений показывает, что все захоронения можно разделить на три категории: 1) погребения в насыпях более древних курганов; 2) погребения на территории городищ или поблизости; 3) бескурганые погребения за пределами поселений, преимущественно в сельской местности.

К первой категории относятся хумные захоронения у Сасык-Булака, бухарские находки и янгиабадское захоронение. Ко второму типу можно отнести погребения в хумах, раскопанные в Семиречье (древний Сарыг, Ак-Бешим, древний Тараз). Третий тип характерен для захоронений на лёссовых террасах или возвышенных местах (Тик-Турмас) или же на специально огороженных стеной костехранилищах (Фринкент, Байрам-Али).

Установить какую-либо последовательность перечисленных способов погребений во времени пока невозможно. Сейчас мы можем лишь отметить, что самыми ранними по времени являются сосуды, закопанные в насыпях курганов (раскопки А. М. Мандельштама).

Большинство археологов до настоящего времени сходились на том мнении, что захоронения в хумах являются поздней по времени формой оссуарных захоронений³⁷. Погребения в хумах, по их мнению, появились в связи с тем, что в VIII—XIII вв. зароастрийские и маздеистские секты Средней Азии подверглись гонению со стороны арабов и на согдийских рынках прекратилась продажа специальных атрибутов для погребения по установленным канонам³⁸. Но новые находки противоречат этому принятому положению. Как показал обзор материалов по захоронениям в хумах, они относятся к самому различному времени. Наиболее ранние хумы датируются первыми веками нашей эры (I—IV вв.), часть их относится к V—VI вв., значительное количество бытует в VII—VIII вв., и позднейшие доживают до XIII в. (таблица).

³⁷ Л. И. Ремпель. Некрополь древнего Тараза. КСИИМК, вып. 69, стр. 110.

³⁸ Г. И. Пацевич. Ук. соч., стр. 104; Г. В. Григорьев. Ук. соч., стр. 150; А. Н. Бернштам. Чуйская долина, стр. 33.

Следовательно, хумные захоронения имели место за 500—600 лет до ислама и существовали параллельно с мусульманскими обрядами еще около 500 лет, не претерпев принципиальных изменений с раннего времени. Появившись довольно рано, захоронения в хумах просуществовали гораздо больший промежуток времени, чем другие виды оссуариев. Если, например, овальные и прямоугольные специальные оссуарии доживают до VIII—IX вв., то хумы как вид погребальной урны бытуют еще в XIII в.

Находки ранних хумных захоронений в разных районах Средней Азии не позволяют в настоящее время согласиться с мнением, что хумы являются всего лишь поздней формой оссуарного обряда. Большая устойчивость данной формы во времени, значительное количество мест находок хумных захоронений заставляют предполагать в них не простую, случайную подмену одной формы оссуария другой, а самостоятельный вид погребального обряда. Как показывают материалы раскопок некрополей в Пенджикенте, Байрам-Али, в Хорезме и т. д., специальные погребальные урны далеко не стандартны. Техника их лепки и отделка вообще не сложны. Весьма возможно, что урны могли быть изготовлены на месте по требованию заказчика, особенно в сельской местности. Именно в таком сельском некрополе, как у Байрам-Али, сосуществуют различные формы оссуариев. Но даже если допустить, что эти оссуарии покупались на рынке, то рынок V—VI вв. предполагает большую стандартность специальных оссуариев, а известные нам некрополи (Байрам-Али) для этого времени такой строгой стандартизации не дают. Погребения совершались в самых различных по форме урнах. Видимо, дело было не только в том, имелись ли на рынке специальные оссуарии, но и в том, что мастером-ремесленником учитывалось, какую форму погребальной урны захочет выбрать покупатель. Возможно, имелись какие-то различия в погребальных обрядах у одних и тех же «магов». Учитывая общеизвестный консерватизм в соблюдении погребальных обычаев, можно высказать следующее предположение: не были ли хумы отличительной формой похоронного обряда у какой-то группы людей, т. е., другими словами, не было ли среди многочисленных огнепоклонников Средней Азии секты «хумников».

Право на такое предположение дают нам не только вышеприведенные, убедительные, на наш взгляд, археологические данные, освещающие почти тысячелетнюю традицию использования хумов для погребения костей, традицию, не уничтоженную исламом в течение 500 лет. Косвенным подтверждением нашего предположения могут служить некоторые исторические сведения о среднеазиатских огнепоклонниках. Эти сведения если и не являются исчерпывающим доказательством для нашего предположения, то и не отрицают его возможности.

Общеизвестным фактом является существование многих сект огнепоклонников на территории Средней Азии. Источники, сообщая нам названия некоторых, наиболее известных сект (маздеисты, манихеи, маздакиты, последователи Мукани, бигафериды), почти ничего не рассказывают о материальном, вещественном выражении их сектантства. Источники не сообщают, чем отличались похоронные обряды и обычаи одной секты от другой. А такие отличия, вероятно, были, так как эти сектантские общины, насколько можно судить по источникам, существовали параллельно, не сливаясь друг с другом. Маздеистов население отличало от «зендигов»³⁹, а «магов» по имени «туркун»⁴⁰ не смешивало с последователями Муканы⁴¹ или приверженцами секты бигаферидов⁴².

Подтверждением тому, что отличия в погребальных обрядах у среднеазиатских огнепоклонников имелись, могут служить сообщения Онеси-

³⁹ К. Иностранцев. О древнеиранских погребальных обычаях и постройках. Новая сер., ч. XX, СПб., март, 1909, стр. 104.

⁴⁰ МИТТ, т. I, М.—Л., 1939, стр. 164—165 (Кудама ибн-Джафар).

⁴¹ Там же, стр. 219 (Ал-Бируни).

⁴² Там же, стр. 213 (Худуд-ал-Алем).

криты, Вей-Цзы и Табари о двух разных способах очищения костей от мышечных покровов⁴³. Эти сообщения неоднократно анализировались в литературе, и в данном вопросе мы присоединяемся к высказанному мнению авторов статьи «Пянджикентский некрополь», считающих, что эти факты не являются противоречивыми сообщениями разных лиц, а повествуют о двух разных способах погребения⁴⁴. Можно добавить только, что, возможно, древние авторы наблюдали обычаи двух разных сект-общин огнепоклонников. О том, что еще в X в. население Средней Азии отличало эти общины, мы уже упоминали выше; можно добавить еще к этому, что в книге «Ахсан-ат-Такасим фи-Марифат» Ал-Макдиси прямо указывается при перечислении населения области ал-Машрике, что наряду с евреями и христианами здесь жили «р а з н ы е в и д ы м а г о в» (разрядка наша.— В. К.)⁴⁵. Из сообщения явствует, что даже в небольшой области в условиях крепнущего ислама еще продолжали существовать секты-общины, которые цепко держались за старое и у которых были различия, не позволявшие смешивать их между собой и говорить о них как о «магах» вообще.

Какие видимые различия могли быть известны древним авторам о магах? Естественнее всего предположить, что это были обычаи, которые наблюдались повседневно, и в особенности обычаи, связанные с рождением и смертью, как наиболее консервативные из всех.

Традиционность и консерватизм этих обычаев отмечают этнографами даже у современных народов Средней Азии⁴⁶. В период же средневековья все это выступало в гораздо большей степени. Нам кажется поэтому, что употребление какой-то частью населения Средней Азии хумов для захоронения в них костей было не случайно. Именно поэтому можно предположить существование особой секты «хумников».

В силу приведенных выше данных, как нам кажется, можно предположить, что существование «вида магов», исторического имени которого мы не знаем, но который отличался от других общин своеобразным обычаем похорон, обычаем древней традиции, обычаем, когда употребление хума в качестве урны, возможно, было таким же неписанным правилом, как исполнение не дошедших до нас устных «плачей магов»⁴⁷. Не претендуя на бесспорность нашего предположения, мы посчитали все же возможным его высказать, поскольку круг вопросов, связанных с культом среднеазиатских огнепоклонников, еще требует детального уточнения.

⁴³ В. В. Бартольд. К вопросу об оссуариях Туркестанского края, стр. 64; его же. Несколько слов об арийской культуре в Средней Азии. «Среднеазиатский вестник», Ташкент, июнь, 1896.

⁴⁴ Б. Я. Ставиский, О. Г. Большаков, Е. А. Мончадская. Ук. соч., стр. 86.

⁴⁵ МИТТ, т. I, стр. 201.

⁴⁶ М. Рахимов. Пережитки древних верований в современном быту таджиков Каратегина и Дарвида. Сб. «Материалы II совещания археологов и этнографов Средней Азии». М.—Л., 1959, стр. 115, 119; С. Камалов. Пережитки ислама и традиции старого быта у кара-калпаков. Там же, стр. 125.

⁴⁷ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, СПб., 1900, стр. 110.

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1

1967

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Керамика сасанидских памятников юго-восточного Туркменистана (Мерв) отличается от памятников юго-западного Туркменистана (Мисрианская равнина) тем, что там она часто богато орнаментирована. Для орнаментации, кроме процарапывания, широко применялись штампы и налепы.

Комплекс Ак-депе на основании раскопанных материалов и приведенных аналогий можно датировать V—VII вв.

Находки монет на полу одного из раскопанных помещений — серебряная драхма Иездигерда I (399—420 гг.), драхма Иездигерда II (438—457 гг.), четыре драхмы Варахрана V (или близких подражаний его монетам) — позволяют датировать конец жизни поселения V—VI вв.

Монеты Варахрана V и Иездигерда II были найдены в одном помещении. Вместе с монетой Иездигерда I была найдена сердоликовая гемма с изображением птицы, выполненным в штриховой манере. Таким образом, постройку замка следует отнести к периоду более раннему, чем V—VI вв. К подъемным находкам принадлежит поделка в виде ложного перстня с изображением гопатшаха в штриховой манере. Кроме того, была найдена на поверхности замка медная монета начала царствования Шапура I.

В ходе раскопок Ак-депе были обнаружены в верхнем комплексе два каменных жернова диаметром 26 см с центральным отверстием в 6 см. Г. Кларк отмечает появление ручных жерновов во II в. до н. э. и широкое распространение в дальнейшем в странах греко-римского мира на грани нашей эры²³.

Появление и широкое распространение замков типа Ак-депе помогает изучению социально-экономических процессов, происходивших в Средней Азии в раннее средневековье. С. П. Толстов писал, что «обилие указаний о многочисленных замках («хысы», «касп»), разбросанных в окрестностях среднеазиатских городов, является одной из предпосылок для возникновения представления о господстве в домусульманской Средней Азии феодального общественного строя»²⁴.

Появление замков свидетельствует об усилении роли аристократии, о становлении раннефеодальных отношений. Судя по найденным материалам, жизнь на Ак-депе продолжалась до конца VI в. Быть может, его гибель связана с бурными событиями в жизни Хорасана, когда он стал ареной столкновений сасанидского Ирана с эфталитским, а затем тюркским объединением.

²³ Дж. Г. Д. Кларк. Доисторическая Европа. М., 1953, стр. 120.

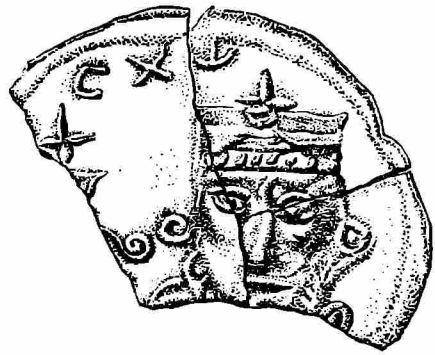
²⁴ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 150.

В. И. КОЗЕНКОВА

НОВЫЙ ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СВЯЗЕЙ ВИЗАНТИИ И СРЕДНЕЙ АЗИИ

В 1958 г. в г. Андижане (Ферганская долина) при закладке фундамента здания медицинского института, на глубине 2,5—2,8 м в культурном слое X—XII вв.¹ при наблюдениях были найдены три обрывка тонкой золотой индикации диаметром 1,8 см (рисунок). На одной стороне ее оттиснуто погрудное изображение мужчины. Из-под надетой на голову короны выбиваются короткие крутые завитки волос; небольшая борода обрамляет лицо.

¹ Слои датируются сасанидскими монетами 961—963 гг., определенными О. И. Смирновой. Монеты хранятся в фондах Андижанского областного музея.

Золотая индикация из Андижана

Увенчанная крестом корона — прямоугольной формы, центральная часть ее украшена прочерченным треугольником и выпуклыми перлами. С правой стороны лица, ниже завитка волос прослеживается изображение, возможно, большой серьги.

Фигура помещена на правой стороне индикации, слева сохранилась часть второго изображения, меньшего размера. Поверху индикации нанесены плохо различимые знаки (CX↓). Несмотря на грубость исполнения и плохую сохранность, индикацию можно уверенно отнести к кругу предметов, связанных с Византией.

Не вызывает сомнения сходство данной композиции с погрудным изображением императора и императрицы (или наследника) на византийских монетах, известных со времени правления Юстина II (565—578 гг.) и вплоть до царствования Феофила (829—842 гг.)². Исследуемый предмет отличается от византийских образцов лишь перестановкой местами главной и второстепенной фигур, а также искаженной проработкой деталей портрета.

Это служит основанием считать его оттиском не с византийской монеты, а с варварского подражания монеты, где изображение и особенно легенда нередко (в зависимости от стадии деградации такого подражания) вырождались до непонятного набора знаков³.

Публикуемая индикация относится к сравнительно ранним образцам подражаний византийским монетам, так как на ней еще довольно правильно, за исключением лица и надписи, изображены все детали.

Трудно определить с полной достоверностью, портрет какого именно византийского императора оттиснут на индикации из Андижана. По трактовке волос и бороды и по форме головного убора, скорее всего, это сделано с варварского подражания монетам Ираклия I (610—641 гг.), среди монет которого имелись экземпляры с погрудным изображением Ираклия и его наследника Ираклия-Константина⁴.

В то же время тип лица, изображенного на индикации, ничего общего не имеет с портретами Ираклия. Скуластостью и миндалевидными глазами это лицо напоминает изображения мужских лиц на сосудах из Согда и Семиречья в тюрко-согдийское время VI—VIII вв.⁵

² В. В. Кропоткин. Клады византийских монет на территории СССР. САИ Е 4-4. М., 1962, рис. 17; его же. Византийские монеты из Таматархи-Тмутаракани. Об.: «Керамика и стекло древней Тмутаракани». М., 1963, стр. 179, рис. 1.

³ Там же, рис. 21, 8—11.

⁴ Например, монета из Национальной библиотеки в Париже. J. V a b e l o n. Great Coins and Medals. London, 1959, табл. 76.

⁵ А. Н. Бернштам. Труды Семиреченской археологической экспедиции. «Чуйская долина». МИА, 14, 1950, табл. 49—51.

Византийские солиды, а также их «варварские» подражания, находки брактеатов, оттиснутых с монет, неоднократно находились на территории Средней Азии⁶.

В настоящее время здесь известно 10 находок монет и брактеатов, свидетельствующих о каких-то взаимосвязях с Византией⁷.

Наиболее ранними римско-византийскими образцами, по которым чеканились монеты и делались оттиски, были римские солиды V в. и римско-византийские монеты V—VI вв. (сукулукская находка и пенджикентские брактеаты). Вторую группу составляют византийские солиды императора Юстиниана I (527—565 гг.) и подражания им. Они известны с городища древнего Тараза, с городища Гяур-Кала в Туркмении, а также из Самарканда (находка у могилы Ходжи Даниара на Афрасиабе).

В третью группу входят находки византийских монет и подражания монетам конца VI—VII в. Это находка солида императора Маврикия (582—602 гг.), монеты и брактеаты, подражавшие солидам Ираклия I (610—641 гг.), брактеат с «варварским» подражанием монете Константина IV Погоната (641—668 гг.) и найденная в Чилеке монета Тиберия II Апсимара (698—705 гг.).

Таким образом, все известные нумизматические находки датируются сравнительно узким отрезком времени — с VI—VII до начала VIII в. что не может объясняться случайностью. Они являются как бы материальным подтверждением свидетельств древних авторов, сообщавших об установлении в указанный период постоянных сношений между тюркским каганатом и Византийской империей. Это был период, когда Семиречье, по выражению А. Н. Бернштама, исполняло роль «Византии Востока», синтезируя культуры Центральной и Средней Азии, Дальнего и Ближнего Востока⁸.

Известные свидетельства Менаandra Византийца доказывают, что связи между каганатом и Византией отнюдь не носили эпизодического характера, а поддерживались регулярно. За первым обменом посольствами согдийского купца Маниаха и полководца Зимарха в 576 г. последовал ряд официальных посланников (посольство Тагмы из Семиречья, посольства Валентина и других лиц из Византии)⁹.

Эти связи носили не только торговый характер, но преследовали и ярко выраженную военно-политическую цель. К концу VI в. среднеазиатско-византийские контакты несколько ослабевают, но уже в правление императора Ираклия I опять оживляются и даже закрепляются военно-политическим союзом¹⁰. Союз кагана западных тюрков Тун-ябгу и византийского императора свидетельствовал о том, что в выборе союзников тюрки и в это время продолжали придерживаться византийской ориентации. Именно в этот период и проникали в Среднюю Азию, и в частности в Семиречье, монеты времени Ираклия и его преемников.

Для периода арабского завоевания стран Востока, в том числе и Средней Азии, во второй половине VII в., и в особенности в период господства здесь арабов в VIII в., характер связей Средней Азии с Византией не ясен. Возможно, связи осуществлялись через посредничество

⁶ М. Е. Массон. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии в 1930 и 1931 гг. Материалы Узкомстарис, 5, Ташкент, 1933, стр. 9—10; его же. К вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии по данным нумизматки. Тр. САГУ, XXIII, нов. сер., 4; Ташкент, 1951, стр. 91—105; А. Н. Бернштам. Ук. соч., стр. 146 и табл. 50; Б. Я. Ставицкий. О международных связях Средней Азии в V—VIII вв. «Проблемы востоковедения», 1960, 5, стр. 111—114.

⁷ Свод монет по Средней Азии и литература приведена в работе: В. В. Кропоткин. Клады византийских монет на территории СССР, стр. 46—48.

⁸ А. Н. Бернштам. Некоторые итоги археологических работ в Семиречье. КСИИМК, XIII, 1946, стр. 116.

⁹ Менаандр. Продолжение истории Агафиевой. Сб.: «Византийские истории». СПб., 1860, стр. 375, 416—417.

¹⁰ М. Е. Массон. К вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии..., стр. 98.

арабских купцов, которые активно вели торговлю как с районами, ранее непосредственно входившими в сферу византийского влияния, так и с самой Византией, о чем свидетельствует имевшая хождение у арабов известная серия арабо-византийских монет, являвшихся варварскими подражаниями монетам того же Ираклия¹¹.

Находки монет, которые бы определенно указывали на то, что эта территория была втянута в арабо-византийские торговые отношения, не известны. При торговых операциях здесь имели хождение как монеты местного чекана, так и арабские фельсы¹². Но возможно, что и в это время в Среднюю Азию могла проникнуть какая-то часть византийских монет или «варварских» подражаний им. Вполне допустима и перечеканка монет с уже имевшихся здесь более ранних «варварских» подражаний.

Для выяснения вопроса о характере обращения интересна не только изучаемая индикация (вернее, неизвестный ее прототип), но и серия монет VIII в. так называемого согдийского круга, известная из раскопок в Пенджикенте¹³. Ни место их чеканки, ни значение этих монет в среднеазиатской торговле пока не определены, но парное изображение мужчины и женщины на них, вероятнее всего, могло возникнуть под влиянием образцов византийского чекана.

Вполне допустимо предположение, что в период оживления среднеазиатско-византийских связей или во время распространения в Средней Азии местного чекана, подражавшего византийскому, в Фергану и могли попасть денежные знаки, послужившие прототипом для изучаемой индикации. Произошло ли это в период господства тюрков или в период арабского завоевания, — определить трудно. Известно только, что Фергана как в первый, так и во второй периоды служила ареной активного передвижения как военных отрядов¹⁴, так и торговых караванов¹⁵.

О времени изготовления андижанской индикации судить трудно. Вероятно, эту дату не следует значительно отрывать от времени хождения на территории Средней Азии «варварских» подражаний, а изготовление последних — от появления здесь византийских монет. Поскольку отиск не носит следов сильной деградации изображения, вероятно, его можно датировать концом VII—VIII в. Что касается назначения предмета, то, вероятней всего, он представлял собой украшение.

Андижанская находка индикации интересна по ряду соображений. Прежде всего, этой первой находкой в Фергане регистрируется в Средней Азии новый географический пункт распространения предметов, связанных с Византией. Найденная индикация позволяет предполагать наличие в Средней Азии неизвестной группы «варварских» подражаний византийским монетам или оттисков с них. В связи с находкой индикации возникает предположение, что в древнем Андукане (Андижане), торговое значение которого неоднократно отмечалось в средневековых арабских источниках¹⁶, имелись группы населения, у которых находили спрос вещи, связанные с христианством. Подобные предметы могли интересовать купцов-христиан, бывших в городе, или членов христианской общины, возможно, существовавшей в это время в Андижане. Известно, что

¹¹ В. Г. Тизенгаузен. Монеты восточного халифата. СПб., 1873, табл. I, 3; И. И. Толстой. Византийские монеты, VI, СПб., 1913, стр. 717—719.

¹² О. И. Смирнова. Монеты древнего Пенджикента. МИА, 66, 1958, стр. 269—270.

¹³ О. И. Смирнова. Там же, стр. 253—254, рис. 36.

¹⁴ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, СПб., 1900, стр. 166, 188.

¹⁵ Имеется определенное свидетельство о том, что среди активно используемых арабами путей был путь из Ферганы в Верхний Нушджан (в Восточном Туркестане). См. В. В. Бартольд. О христианстве в Туркестане в домонгольский период. ЗВРАО, VIII, СПб., 1894, стр. 17.

¹⁶ Ибн-Хаукаль. Пути и страны. «Археология Средней Азии», IV, Ташкент, 1957, стр. 26; В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 90.

в соседних с Ферганой районах Средней Азии существование христианских общин (несториане, яковиты, мелькиты) зафиксировано с IV и вплоть до XIII в.¹⁷ Являясь новым историческим источником, индикация в Андижане будет способствовать дальнейшему изучению экономических и культурных связей Средней Азии и Византии.

¹⁷ В. В. Бартольд. О христианстве в Туркестане в домонгольский период, стр. 1—32; Г. А. Пугаченкова. Хороба-Кошук. Изв. АН ТуркмССР, 1954, 3, стр. 15—19; Л. Р. Кызласов. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—54 гг. Тр. КАЗЭ, II, М., 1959, стр. 231—233; А. М. Беленицкий. Вопросы идеологии и культов Согда (по материалам пшанджикентских храмов). Сб.: «Живопись древнего Пянджикента». М., 1954, стр. 35—37; ОАК за 1892 г., стр. 73—74 (находка Н. Н. Пантусова); Труды Восточной комиссии Московского археологического общества, I, М., 1889, стр. 32, № 131; стр. 34, № 167.

Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКИЙ

ТЮРКСКИЕ ПАМЯТНИКИ В ФЕРГАНЕ

Тюркские племена и созданный ими каганат сыграли большую роль в истории Средней Азии и Сибири. Изучению истории и культуры тюркских племен Алтая, Монголии и Южной Сибири много сил и труда отдал крупнейший советский ученый С. В. Киселев¹, который указывал, в частности, на важную роль Семиречья в сложении древнетюркской рунической письменности². В этой связи определенный интерес представляют новые материалы, добытые в последние годы в Ферганской долине.

Весной 1961 г. в восточной Фергане было обнаружено древнее погребение на поселении Дальверзин, расположенном на левом берегу р. Кара-Дарья, возле сел. Аим. В южной части холма поселения находится современное узбекское кладбище. По рассказам местных жителей, при открытии могилы они наткнулись на захоронение человека, возле которого лежали обломки седла с металлическими оковками, железные стремена и другие вещи. Осенью того же года мы обследовали указанное место и на поверхности кладбища нашли два железных стремена, часть железных удиц (?) и обломок железного предмета неопределенной формы в виде круглого в сечении стержня.

Наибольший интерес представляют стремена (рис. 1, 1, 2) с плоской широкой подножкой, усиленной продольным ребром. Верхняя петля их обломана. Железный изогнутый стержень с кольцом, вероятно, является частью железных эсвидных удиц (рис. 1, 3). Назначение третьего предмета установить невозможно.

Стремена, найденные на Дальверзине, близки по форме найденным при работах на Ташкентском канале³ и стременам из захоронения с конем, открытом около обсерватории Улугбека возле Самарканда⁴. Сходны они и со стременами из захоронений с конем в Семиречье⁵. Стремена этого типа были широко распространены в VI—VIII вв. на обширной территории Южной Сибири и Монголии⁶. Они являются характерной принадлежностью захоронений с конем тюркского периода. И поэтому, несмотря на отсутствие данных об устройстве могилы и погребальном об-

¹ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951; его же. Южная Сибирь в VII—IX вв. «Очерки истории Сибири». Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР, III—IX вв. М., 1958.

² С. В. Киселев. Письменность енисейских кыргызов. КСИИМК, XXV, 1949.

³ А. И. Тереножкин. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале. Изв. УзФАН СССР, 1940, 3, рис. 11.

⁴ В. И. Спришевский. Погребение с конем середины I тысячелетия н. э., обнаруженное около обсерватории Улугбека. Тр. Музея истории УзССР, 1, Ташкент, 1951, стр. 37, рис. 3.

⁵ А. Н. Бернштам. Труды Семиреченской археологической экспедиции. «Чуйская долина». МИА, 14, 1950, стр. 77, 81, табл. XLVI.

⁶ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 518.